

Чинуа Ачебе

Чинуа Ачебе

Покоя больше нет
Стрела бога

Издательство АСТ
Москва

Покоя больше нет

Посвящается Кристи

Мы вернулись в свои края, в наши царства,
Но прежняя жизнь совсем разладилась здесь,
Кругом чужие люди, льнущие к своим богам.
Лучше бы я умер другой смертью.

Т. С. Элиот «Путешествие волхвов».

Глава 1

Для этой минуты Оби Оконкво закаливал себя три или четыре недели. И когда утром он шел к скамье подсудимых, ему казалось, что он готов. В красивом легком шерстяном костюме молодой человек выглядел невозмутимым и равнодушным. Происходящее, похоже, не представляло для него особого интереса. Кроме короткого инцидента в самом начале, когда один из адвокатов получил нагоняй от судьи.

— Судебное заседание начинается в девять. Почему вы опоздали?

Всякий раз, глядя на жертву, его честь Уильям Гэллоуэй, судья верховного суда Лагоса и Южного Камеруна, буквально парализовал ее взглядом, как коллекционер обездвигивает насекомое формалином. Пригнув голову, словно упрямый баран, он уставился на адвоката поверх очков в золотой оправе.

— Простите, ваша честь, — произнес тот, запинаясь. — Машина сломалась по дороге.

Судья еще долго смотрел на него, а затем довольно резко сказал:

— Хорошо, мистер Адейеми. Принимаю ваше извинение. Но, должен признаться, мне смертельно надоели постоянные оправдания, связанные с транспортными проблемами.

Среди адвокатов послышался подавленный смех. Оби Оконкво улыбнулся тусклой, бледной улыбкой и опять утратил интерес к происходящему.

Все места в зале суда были заняты. Многие стояли. Об этом деле в Лагосе говорили уже несколько недель, и в последний день все, кто только мог отлучиться с работы, пришли на оглашение приговора. Некоторые государственные служащие заплатили целых десять шиллингов и шесть пенсов, чтобы получить бюллетень у врача.

Апатия Оби не исчезла, даже когда судья принялся подводить итоги. Только после слов: «Я не в силах понять, как мог так поступить молодой человек с вашим образованием и блестящими перспективами», — с подсудимым произошла внезапная заметная перемена. На глаза навернулись предательские слезы. Оби достал белый носовой платок и отер лицо, так, как оттирают пот. Он даже попытался улыбнуться и скрыть слезы. Улыбка была бы весьма уместна. Вся эта трескотня про образование, перспективы, предательство врасплох его не застала. Оби ждал ее и репетировал сцену сотни раз, пока она не стала ему знакома, как хороший друг.

Несколько недель назад, в самом начале судебных слушаний мистер Грин, его начальник и один из свидетелей, тоже пустился в рассуждения про многообещающего молодого человека, однако это нисколько не взволновало Оби. Совсем недавно он потерял мать, Клара тоже ушла из его жизни. Эти два события, следовавшие одно за другим, притупили способность к восприятию и породили безразличие, которое позволило, не дрогнув, услышать слова «образование» и «перспективы». Но теперь, в решающий момент, его выдали предательские слезы.

С пяти часов мистер Грин играл в теннис. Это было весьма необычно. Как правило, работа отнимала у него столько времени, что на корт он выходил редко. Чаще всего моционом ему служили короткие вечерние прогулки. Но сегодня мистер Грин играл с приятелем из Британского совета. Потом они направились в бар при клубе. На белую рубашку мистер Грин надел светло-желтый свитер, на шею набросил белое полотенце. В бар набилось много европейцев, кто-то сидел на высоких табуретах, кто-то, стоя группками по двое-трое, пил холодное пиво, апельсиновый сок с мякотью или джин с тоником.

— Не понимаю, зачем он это сделал, — недоуменно произнес сотрудник Британского совета. Он водил пальцем по запотевшему стакану с ледяным пивом, отчего на стекле оставались линии.

— А я понимаю, — просто ответил мистер Грин. — Чего я не понимаю, так это почему такие люди, как вы, отказываются признавать факты. — Он славился тем, что всегда говорил то, что думает. Мистер Грин вытер раскрасневшееся

лицо свисавшим с шеи полотенцем. — Африканец продажен до мозга костей.

Сотрудник Британского совета украдкой осмотрелся, скорее, машинально, чем по необходимости, поскольку, хотя формально клуб теперь открыли и для африканцев, они заходили сюда редко. И сейчас не было ни одного, кроме, разумеется, почти незаметных официантов. Вы могли без труда заглянуть, выпить, подписать чек, поговорить со знакомыми и уйти, даже не обратив внимания на их белую униформу. Если все шло, как обычно, вы их не видели.

— Все они продажны, — повторил мистер Грин. — Я целиком за равенство и всякое такое. Мне, например, было бы очень противно жить в Южной Африке. Но равенство не отменяет фактов.

— Каких фактов? — спросил сотрудник Британского совета, недавно приехавший в страну.

Общий гомон затих, потому что многие, не показывая этого, слушали теперь мистера Грина.

— А тех фактов, что многие столетия африканец был жертвой худшего в мире климата и всевозможных болезней. Вряд ли это его вина. Но умственно и физически он испорчен. Мы принесли ему западное образование. А какой ему от него толк? Он...

При появлении новых приятелей мистер Грин воскликнул:

— Привет, Питер! Привет, Билл!

— Привет!

— Привет!

— Можно к вам присоединиться?

— Конечно.

— Разумеется. Что будешь пить? Пиво? Правильно. Официант! Одно пиво этому джентльмену.

— Какое, сэр?

— «Хайнекен».

— Да, сэр.

— Мы говорили о том молодом человеке, который взял взятку.

— Ах, об этом.

В материковой части Лагоса Прогрессивный союз Умуофии проводил экстренное собрание. Умуофия — деревня, ибо в Восточной Нигерии и родина Оби Оконкво. Деревня не

слишком большая, но жители называют ее городом. Они очень гордятся своим прошлым, когда город наводил ужас на соседей, пока не пришел белый человек и не уравнил всех. Умуофийцы (так они именуют себя), оставившие родной город и разъехавшиеся в поисках работы по всей Нигерии, считают, что покинули родину временно. Примерно каждый второй год они приезжают домой в отпуск. Накопив достаточно денег, просят родственников дома подыскать себе жену или строят на семейном участке «цинковый» дом. И повсюду в Нигерии открывают местное отделение Прогрессивного союза Умуофии.

За последние недели Союз собирался в связи с делом Оби Оконкво несколько раз. На первом собрании некоторые высказались в том духе, что нет, мол, причин волноваться из-за неприятностей блудного сына, совсем недавно проявившего большое неуважение к Союзу.

— Мы заплатили восемьсот фунтов за его учебу в Англии, — сказал один. — А он вместо благодарности оскорбляет нас из-за какой-то дрянной девчонки. Теперь мы опять собираемся, чтобы найти для него еще денег. Куда он деваает свою большую зарплату? По моему личному мнению, мы и так уже сделали для него слишком много.

Эту точку зрения, хотя и сочли в целом верной, всерьез рассматривать не стали. Поскольку, как подчеркнул президент, сородичу в беде надо помогать, а не добивать его. Гнев на брата да войдет в плоть, но не в кость. И Союз принял решение заплатить за услуги адвоката из своих фондов.

Однако сегодня утром дело было проиграно. Поэтому и созвали экстренное совещание. В доме президента на Молони-стрит уже собралось множество народу, все возбужденно обсуждали приговор.

— Я знал, что дело тухлое, — заявил человек, который с самого начала возражал против вмешательства Союза. — Просто выбросили деньги. Как у нас говорят? Сколько ни бейся за бездельника, все без толку, только перемажешь голову землей и грязью.

Но его никто не поддержал. Умуофийцы были готовы сражаться до конца. Они не питали иллюзий по поводу Оби. Конечно, он дурной, своенравный молодой человек. Однако сейчас не время копаться в мелочах. Сначала нужно прогнать лису; после можно втолковать курице, чтобы та не забредала в кусты.

Насчет этого на умуофийцев можно положиться — втолкуют от души, примнут и еще добавят, так что через край полезет. Просто срам высокопоставленному чиновнику угодить в тюрьму из-за двадцати фунтов, сказал президент. И еще раз повторил, словно выплюнул: двадцати фунтов.

— Я против людей, которые жнут, где не сеяли. Но у нас есть поговорка: «Хочешь съесть жабу, так хотя бы выбери жирную и сочную».

— Все от неопытности, — заметил кто-то. — Не надо было брать самому. Другие, вон, велят тебе снести деньги бою. Оби попытался сделать то, что и все, не разузнав, как это делается.

И он напомнил притчу о крысе, которая собралась поплавать со своей подругой ящерицей, да сдохла от холода; ведь ящерица благодаря чешуе осталась сухой, а шерсть крысы промокла насквозь.

В назначенный час президент посмотрел на карманные часы и объявил, что пора открывать собрание. Все встали и совершили короткую молитву. Затем он предложил собранию три ореха кола. Самый старший участник собрания разломил один и произнес еще одну молитву:

— Тот, кто приносит орех кола, несет жизнь. Мы не хотим никому вреда, но, если кто-нибудь захочет навредить нам, да ломает он себе шею.

— Аминь, — ответствовало собрание.

— Мы странники на этой земле. Если блага ниспадут на нее, есть в них и наша доля.

— Аминь.

— Но если навалятся невзгоды, да отойдут они обитателям тех краев, где знают, как умиловить богов.

— Аминь.

— У многих городов по четыре, по пять, а то и по десять своих сыновей на европейских должностях в этом городе. У Умуофии только один. И теперь наши враги говорят, что даже этот один — слишком для нас много. Наши предки такое не одобряют.

— Аминь.

— Единственный плод пальмы не погибнет в огне.

— Аминь.

Оби Оконкво действительно был единственным плодом пальмы. Его полное имя — Обиаджулу — означало «наконец-то рассудок обрел покой». Рассудок отца, понятное дело,

который, до рождения Оби приняв от жены четырех дочерей, слегка беспокоился. Обратившись в христианство и даже став преподавателем Закона Божьего, Исаак Оконкво не мог взять вторую жену. Но не такой это был человек, чтобы носить свое горе на лице. И уж мистер Оконкво никак не мог допустить, чтобы о его несчастье знали язычники. Четвертую дочь он назвал Нваньидинма — «девочка тоже хорошо». Однако в голосе не слышалось убежденности.

Старик, разломивший сейчас в Лагосе орехи кола и объявивший Оби единственным плодом пальмы, не думал о семье Оконкво. Его мысли были о древней воинственной деревне Умуофия. Лет шесть-семь назад оставившие родной дом умуофийцы создали Союз с целью сбора средств для отправки некоторых из своих наиболее способных молодых людей на учебу в Англию. Они наложили на себя немилосердную дань. Первую такую стипендию пять лет назад получил Оби Оконкво. Хотя это называлось стипендией, ее нужно было выплатить обратно. В случае Оби сумма составляла восемьсот фунтов, и их полагалось вернуть в течение пяти лет после возвращения. Умуофийцы хотели, чтобы посланец изучил право, а потом вел все их земельные дела с соседями. Но, очутившись в Англии, Оби занялся английским, он славился своим упрямством. Союз повозмушался, однако, в конце концов, оставил его в покое. Ладно, пусть не станет адвокатом, зато получит «европейскую должность» на государственной службе.

Решение, кому первому выдать стипендию, далось Союзу легко. Оби был очевидным кандидатом. В возрасте двенадцати или тринадцати лет он после шестого класса сдал экзамены лучше всех в провинции, после чего получил право учиться в одной из лучших средних школ Восточной Нигерии. Через пять лет с отличием сдал экзамены на получение аттестата зрелости по кембриджской программе — все восемь предметов. Оби действительно являлся местной знаменитостью, его имя часто звучало в миссионерской школе, где он когда-то учился. (Сегодня никто не вспоминал, как однажды Оби осрамил школу, написав во время войны письмо Адольфу Гитлеру. Директор школы тогда почти со слезами на глазах утверждал, что он стал позорищем Британской империи и, если бы был старше, его бы непременно отправили за решетку на всю его оставшуюся жалкую жизнь. Оби тогда

было всего одиннадцать лет, и он отделался шестью ударами трости по ягодицам.)

Поездка Оби в Англию вызвала в Умуофии большое волнение. За несколько дней до отъезда в Лагос родители созвали дома молитвенное собрание. Председательствовал его преподобие Сэмьюэль Икеди из англиканской церкви Святого Марка, что в Умуофии. Он заявил, что это событие является сбывшимся пророчеством: «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет».

Мистер Икеди говорил больше получаса, затем спросил, кто будет вести молитву. Никто не успел встать — тем более, что все сидели с закрытыми глазами, — как вызвалась Мэри, одна из самых ревностных христианок Умуофии и близкая подруга матери Оби, Ханны Оконкво. Она хотя и жила далеко от церкви — в трех милях, а то и больше, — никогда не пропустила утренние молитвы, которые пастор начинал очень рано.

И в разгар сезона дождей, и в студёный харматан Мэри непременно была в церкви. Иногда приходила на час раньше, экономя керосин, гасила лампу и устраивалась спать на длинных земляных сиденьях.

— О, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, — завела она, — Начало и Конец. Без Тебя не сможем мы ничего. Великой реки не достанет, дабы омыть Тебе руки. У Тебя ямс, и у Тебя нож; не сможем мы ничего съесть, если Ты не отделишь нам немного. Мы подобны уткам в глазах Твоих. Детям малым подобны, что во время купания мочат только живот, оставляя спину сухой...

Мэри говорила и говорила, разматывая притчу за притчей, нанизывая образ на образ, и, дойдя наконец до события, по поводу которого все собрались, остановилась на нем очень подробно, как оно того заслуживало, в числе прочего изложив историю сына своей подруги, отправлявшегося в края, где он должен завершить учебу. Когда Мэри закончила, собравшиеся принялись моргать и протирать глаза, в очередной раз привыкая к вечернему свету.

Все разместились на длинных деревянных скамьях, принесенных из школы. Перед председателем стоял небольшой столик. Сбоку от него, в школьном пиджаке и белых брюках сидел Оби.